

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О Б З О Р Ы

© 2001 г. А.И. ДОМАШНЕВ

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ НЕМЕЦКИХ СОЦИОЛЕКТОВ

Одной из важнейших проблем, изучаемых современной социолингвистикой, является проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях его структуры, и в частности взаимосвязей между языковыми и социальными структурами, имеющими многоаспектный и опосредованный характер. Структура социальной дифференциации языка предстает многомерной и включает как стратификационную дифференциацию (совокупность форм существования данного языка), обусловленную разнородностью социальной структуры "коллектива сношений" (А. Бах) – носителя языка, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций.

Известно, что любой исторически сложившийся, функционально развитый язык является не монолитным и представляет собой достаточно сложную, иерархически организованную многоступенчатую систему – совокупность форм, в которых он бытует и проявляется. Говоря об этом, мы обычно исходим из того, что любому носителю языка, принадлежащему к данной языковой общности, естественным образом известно, что один и тот же язык может быть использован по-разному, в зависимости от говорящих и слушающих (коммуникантов), а также от обстоятельств, времени и места, одним словом, в зависимости от того, что определяется как различные социальные и коммуникативные (интеракциональные) условия общения.

С позиций социальной лингвистики исследователю всегда представляется важным определить, какие подсистемы неизбежно формируются в таком функционально развитом языке и в каком отношении они находятся к общественным группам социума – носителя языка. Следовательно, речь идет о взаимоотношениях языковых и общественных структур в рамках единой языковой и социальной общности или, по определению А. Баха, в "коллективе сношений" (*Verkehrsgemeinschaft*) [Bach 1950: 23].

Говоря о современном немецком языке, исследователи отмечают, что следует различать несколько видов (*Arten*) подсистем или вариантов, которые можно объединить в три группы: *диатопические* (*diatopische*) варианты, образующие иерархическую совокупность наддиалектных формаций языка – региолекты, сложившиеся в результате взаимодействия предельных уровней национального языка: литературного языка и местных диалектов; *диастратические* (*diastratische*) образования, объединяющие разнообразные социальные варианты языка – социолекты; *диафазические* (*diaphasische*) группы, образующие собой иерархию ("вертикаль") стилистических слоев (*Stilschichten*) или стилистических уровней (*Stilebenen*) современного немецкого языка [Schlieben-Lange 1991: 89], и определяемые нередко в качестве диаситуативных (*diasituative*) групп лексики или ситуолектов (*Situolekte*) [Dittmar 1997: 206].

Границы между выделяемыми группами лексики (диатоническая, диастратическая, диафазическая) часто оказываются достаточно подвижными, вследствие чего можно

наблюдать плавное перетекание элементов языковых образований (вариантов) из одной группы в другую. Так, лексические единицы региолектов, например, лексика городских диалектов или, иначе, "урбанолектов", могут оказаться предметом рассмотрения в составе различных социолектов, а при анализе диафазических образований мы нередко сталкиваемся с языковым материалом, относящимся к различным социальным пластам лексики национального литературного языка, т.е. к его диастратическим вариантам, что обусловлено их взаимопринадлежностью единой системной логарифмической структуры языка.

Стремясь к большей научной строгости при определении системы вариантов или подсистем исторически сложившегося языка, К. Набрингс, основываясь на мнении Э. Косериу, предлагает включить в число таких обобщающих групп еще одну, называемую диахронической (*diachronische*), благодаря чему можно будет проследить исторические этапы развития соответствующих явлений системы языка [Nabrings 1981]. Безусловно, с помощью этих четырех измерений (*Dimensionen*) может быть создана достаточно надежная система координат, позволяющая устойчиво классифицировать различные языковые явления, но при анализе системы современного языка важными и абсолютно достаточными оказываются первые три из названных "измерений": диатопические, диастратические, диафазические образования (варианты).

Диастратические образования – социолекты современного немецкого языка – являются одной из наиболее многочисленных и разветвленных языковых (лексических) группировок; однако среди лингвистов до настоящего времени нет единства мнений относительно самих квалификационных признаков, на основании которых то или иное явление может быть отнесено к данной группе. Один из общих тезисов здесь сводится к тому, что источником их развития является субкультура общества. Так, Б. Шлибен-Ланге, перу которой принадлежат многие оригинальные труды в области социологии немецкого языка, подчеркивала, что в субкультурах всегда развивались языковые подсистемы (*Subsysteme*), идет ли речь о специальных языках (*Fachsprachen*), которые складываются в различных профессиональных группах, или о своеобразных особых языках (*Sonder-und Geheimsprachen*), которыми пользуются в различных сообществах "субкультуры", и к которым, в качестве примера, она относит воров, солдат, учеников (*Gauner, Soldaten, Schüler*). Такие языки изначально (*von vornherein*) предназначены для укрепления "внутренней солидаризации" (*innere Kohäsion*) между членами этих сообществ, а также внешнего отграничения (*Abgrenzung nach außen*) от посторонних [Schlieben-Lange 1991: 89–90]. Можно допустить, что Б. Шлибен-Ланге не собиралась представить подробный перечень немецких социолектов, но, пожалуй, никак нельзя согласиться с тем, что к группе тайных языков (*Geheimsprachen*), к которой, безусловно, принадлежат различные воровские арготы, с помощью которых члены таких сообществ пытаются оградить себя от непосвященных, она относит, как мы могли видеть, и солдатский жаргон, и специфическую лексику учащихся. При этом следует заметить, что Б. Шлибен-Ланге не впадает в какое-то личное заблуждение, а разделяет, очевидно, подобные взгляды других исследователей. Так, автор энциклопедического справочника немецкого языка В. Кёниг также полагает, что к социолектам, в первую очередь, следует отнести различные особые или специальные языки (*Sondersprachen*), к числу которых, по его мнению, принадлежат лексические группы ("языки") учащихся, молодежи, студентов, хиппи, люмпенов и бездельников (*Gammler*), обитателей тюрем. Характерной особенностью таких языков, по его мнению, является то, что все они способствуют "интеграции" членов данного сообщества и их изоляции (*Abschließung*) от внешнего окружения, а также служат средством идентификации при приеме других лиц в состав сообщества. Перечисленные группы В. Кёниг, ссылаясь на Г. Баузингера, называет "контр-языками" (*Kontrasprachen*), так как они предназначены для языкового обособления от окружающих и противопоставления себя другим [König 1994: 133]. Существенным различием в их взглядах на проблему состава группы специальных языков (*Sondersprachen*) является единственно то, что, в отличие от Б. Шлибен-Ланге, он не называет среди них воровское аргот,

поскольку справедливо считает, что этот жаргон относится к тайным языкам (Geheimsprachen) или, иначе, – das Rotwelsch (ср.-нем. "ложный", "неверный"): язык воров, жуликов, уличных попрошаек (Gauner – und Bettlersprache).

Обобщая сказанное о всей группе немецких социолектов, считаем необходимым подчеркнуть, что авторам так и не удалось адекватно классифицировать различные образования, вследствие чего в едином ряду так называемых закрытых языков (Abschließung nach außen) оказываются язык учащихся, студентов, солдатские жаргоны и воровское арг (Шлибен-Ланге), или, как отмечено, помимо языков учащихся, студентов и молодежи, в одну группу с ними включены жаргоны хиппи, уличных бездельников, обитателей тюрем (Кёниг), тогда как хорошо известно, что ни лексика студентов и учащихся, ни даже солдатские жаргонизмы не направлены на то, чтобы изолировать речь членов таких групп от всех посторонних. Они представляют собой явление сленгового ряда и, по нашему мнению, не могут быть отнесены ни к "контр-языкам" (Kontrasprachen), ни к "тайным языкам" (Geheimsprachen). Неудачи таких подходов можно объяснить, очевидно, тем, что авторы стремились включить все образования в две группы: профессиональные языки (Fach – und Berufssprachen) и так называемые специальные языки (Sondersprachen), к числу которых в общий ряд отнесены и молодежный сленг, и грубоватый солдатский жаргон, и потаенные языки различных корпоративных, асоциальных и преступных сообществ, которые и следует считать "контр-языками" (Kontrasprachen) или "тайными языками" (Geheimsprachen).

Принципиально иной подход к определению понятия немецких социолектов мы находим в работах Н. Дитмара, прежде всего в его книге, посвященной основам социолингвистики [Dittmar 1997]. В ней он достаточно четко ставит вопрос о том, что выявляемые социальные варианты по своему характеру неоднородны и имеют свою иерархическую структуру. Социальные языковые пласты уже в XIX веке были связаны с территориальными диалектами и своими социально мотивированными формами высказываний служили их своеобразным дополнением. Таким образом, Н. Дитмар подчеркивает двойственность характера таких социальных образований: с одной стороны, они представляют собой некий прототип диастратического фактора вариативности (prototypischer diastratischer Faktor der Variation), а с другой – они совместно выступают (kookkurieren) с местными диалектами, т.е. с диатопическими образованиями. Продолжая анализ связей различных видов языковых образований (вариантов), Н. Дитмар обращает внимание на то, что профессиональные и иные групповые языки используются, как известно, лишь в ситуациях корпоративного контакта, а варианты социальных слоев получают свое языковое оформление в прямой зависимости от условий общения, что, как известно, переводит данные отношения в плоскость стилистических (диафазических) измерений. Таким образом, заключает он, неизбежно происходит переплетение (Überlappung) диатопических, диастратических и диафазических факторов, что позволяет согласиться с точкой зрения К. Набрингс, полагающей, что разделение (Trennung) данных социальных измерений (вариантов, языковых образований) имеет лишь эвристическую (heuristisch) ценность, т.е. является логическим приемом отыскания истины и методическим правилом теоретического исследования, а потому для целей устойчивых категориальных классификаций представляется достаточно проблематичным [Nabrings 1981: 89].

Возвращаясь к составу группы немецких социолектов, еще раз отметим, что этот ряд Н. Дитмар начинает с социальных форм речи [Dittmar 1997: 195], к которым, как хорошо известно, в первую очередь относятся так называемые наддиалектные формы языка, сложившиеся в пространстве между исходными диалектами и литературным языком, – о б и х о д н о - р а з г о в о р н ы й я з ы к (Umgangssprache). В ареале немецкого языка Германии обиходно-разговорные формы представляют собой трехчастное иерархически структурированное образование, являясь, по мнению В. Хенцена, своеобразной промежуточной ступенью ("Zwischenstufe") [Henzen 1954: 19]. Нижний уровень этой иерархии, наиболее тесно связанный с местным диалектом, в германистике обычно называют локальным обиходно-разговорным языком (klein-

landschaftliche Umgangssprache). Поскольку эта языковая формация в основном базируется на диалектной структуре и в ней лишь слабо заметно наличие элементов литературного языка, она получила еще и второе название – "полудиалект" (Halbmundart) [Bach 1961: 345]. К этому уровню относятся и так называемые городские диалекты (Stadtmundarten; Stadtsprachen), которые, по понятным причинам, отличаются от (сельских) диалектов окружения. В немецкой социалингвистике эти образования нередко называют также урбанолектами (Urbanolekte) [Dittmar 1997: 193]. Над этим уровнем Umgangssprache располагаются формации, складывающиеся в результате взаимодействия местных диалектов и литературного языка и использующиеся в качестве средства повседневного языкового общения в пределах крупных территорий. В германистике их называют областными обиходно-разговорными языками (großlandschaftliche Umgangssprachen), что соответствует понятию областных говоров (Gebiets-sprachen) [Brinkmann 1962: 113]. И, наконец, третий уровень обиходно-разговорного языка, для которого характерно вытеснение местных диалектов и который наиболее приближен к форме реализации литературного языка, но сохраняет черты местного происхождения и определенное число лексических единиц местного характера, известен под названием литературного (верхненемецкого) обиходно-разговорного языка (hochdeutsche Umgangssprache). Поскольку этот тип речи был характерен в основном для представителей образованных слоев общества, он получил название "обиходный язык образованных" (gebildete Umgangssprache; Gemeinsprache der Gebildeten) [Kretschmer 1969: 10].

Вместе с диалектами, составляющими, как известно, нижний предельный уровень системы форм существования языка, и литературным языком, венчающим все построение, ярусы формаций обиходно-разговорного языка образуют иерархическую вертикаль, понимаемую как социо-функциональная структура [Domaschnev 1981: 332], или как функциональная парадигма немецкого языка [Гухман 1981: 7].

Если справедливы слова о том, что в языке вообще все социально, то наиболее социально детерминированными структурами немецкого национального языка следует считать упомянутые формации системы обиходно-разговорного языка. Именно на это их свойство указал еще в начале нашего века (1918 г.) в своем фундаментальном труде об этих разновидностях немецкого языка П. Кречмер, сказав, что высшая ступень иерархии обиходно-разговорного языка – обиходный язык образованных – находится где-то "посредине между изысканным (geziert) языком (официального) доклада и полудиалектом народа" [Kretschmer 1969: 11]. Эту мысль позднее развивал в своих статьях Х. Бринкман, когда писал о том, что местный диалект переходит (weitet sich aus) в областной говор, когда ему приходится покидать пределы привычной близости (vertraute Nähe) и вступать в языковой контакт с местными почитаемыми людьми (Respektspersonen) или с посторонними лицами (Ortsfremde), тогда как носители литературного языка переходят к употреблению обиходно-разговорных форм речи, когда оказываются в привычном интимном окружении. Таким образом, продолжает Бринкман, носитель диалекта использует обиходные формы речи при переходе от интимности к дистантности (aus Intimität zu Abstand), тогда как во втором случае мы наблюдаем нечто противоположное – переход от формы языковой дистантности к интимному, неформальному общению [Brinkmann 1962: 113].

Итак, обозначенные выше разновидности обиходно-разговорного языка, будучи неотъемлемыми элементами социо-функциональной структуры национального языка и совокупностью диатопических образований – региолектами, представляют собой один из типов диастратических образований, являясь социальными вариантами – социолектами современного немецкого языка. По характеру своего возникновения они относятся к явлениям субсистемного порядка, но, безусловно, не имеют ничего общего со средой субкультуры, которая, по мысли Б. Шлибен-Ланге, и порождает различные профессиональные и специальные языки. Таким образом, немецкие социолекты – это своеобразный плод влияния, по крайней мере, двух главных "стихий": субсистемных разновидностей (образований) национального языка и "субкультурных" (Шлибен-Ланге)

импульсов социальной жизни общества. По этим двум основным линиям выстраиваются, как будет показано далее, все отношения со стилистической сферой языковых средств (диафазические разновидности системы языка), поскольку языковой материал обиходно-разговорных вариантов по своим эмотивным свойствам тяготеет к нейтральным или слабо экспрессивным оценкам, что дает некоторым стилистам и лексикографам (Р. Клаппенбах) определенные основания считать обиходный язык образованных составной частью слоя нейтральной лексики (normalsprachlich), тогда как для состава других социальных вариантов – различных жаргонов и аргос – характерна стилистическая сниженность: небрежность (salopp), грубость (derb), вульгарность (vulgär) и др. Говоря еще раз о характерных признаках обиходно-разговорного языка, включая и его высшую формацию – обиходный язык образованных, считаем важным подчеркнуть, что это образование не следует так прямолинейно, как это делается в лексикографии Р. Клаппенбаха, связывать с уровнем нейтральной нормы литературного языка. По общему признанию (И. Радтке, У. Бихель, Н. Дитмар) эта форма языка, будучи достаточно близкой к этой норме, все же представляет собой образование субстандартного порядка. Добавим к сказанному, что она остается формой устной речи (разговорный язык), которая, в отличие от других, территориально связанных, формаций ("полудиалект", городской диалект, областной говор), используется в качестве надрегионального языка. Об этой формации обиходно-разговорного языка можно сказать, что она близка к уровню реализации нормы и ориентируется на нее (das standardnah gesprochene Deutsch) [Dittmar 1997: 198]. Имея в виду все ярусы обиходно-разговорного языка, У. Бихель еще в начале 70-х гг. писал, что эта промежуточная сфера (Zwischenbereich) занимает пространство между уровнем нормативного немецкого языка (Schriftsprachenähe) и уровнем диалекта (Mundartnähe), не сливаясь с ними [Bichel 1973: 223]. С другой стороны, эти варианты социолекта характерным образом отличаются от других образований данной группы, поскольку никак не связаны ни с профессиональными разновидностями (Fachsprachen), ни, тем более, с некоторыми разновидностями специальных образований (Sondersprachen) с их завуалированной, потаенной и "тайной" лексикой (Kontrasprachen, Geheimsprachen).

Отдельное место в системе немецких социолектов занимает формация сленга. Дело в том, что среди специалистов нет единства взглядов по поводу того, существует ли вообще немецкий сленг, или же подобные речевые высказывания являются частью повседневного, обиходно-разговорного языка (Alltagssprache, Umgangssprache). При этом оставляют без внимания мнение крупнейшего немецкого германиста Г. Мозера, который еще в 1960 г. подчеркивал, что сленг, рассматривающийся как некая форма раскованной, небрежной речи (saloppe Sprechweise) в образованных кругах (in guter Gesellschaft) трактуется некоторыми лингвистами совершенно безосновательно (zu Unrecht) как обычное явление повседневного обиходного языка. На самом деле – продолжает он – такие речевые высказывания характеризуются наличием у них целого ряда специфических черт, которые отличают их даже от раскованных форм языковой игры (Spiel mit der Sprache), присущей, как известно, и обиходно-разговорному языку. В сленге такой языковой эпатаж, образные и броские речевые обороты, крепкие слова, табуированная лексика – все это доводит "игру с языком" до своеобразного шутливо-дерзкого "жонглирования" самыми различными средствами языка, весь эффект которого построен на "неожиданности" образа сравнения [Moser 1960: 225].

Рассматривая это языковое явление, которое всегда существовало в устной немецкой речи, и только под влиянием английского названия подобных высказываний стало нередко называться и в немецком словом "сленг", В. Порциг [Porzig 1971] отмечал, что люди обычно не придают особого значения подобным языковым высказываниям, которые они нередко могут слышать из уст молодежи. В этих словах нет ничего неприличного, но люди в возрасте обычно сами так никогда не говорят. В основе таких высказываний присутствует гротескное преувеличение, рискованная шутка, балансирующая на грани развязности, и по своей эстетической сущности такие формы языкового поведения не заслуживают поддержки и одобрения, они "небезопасны" для

воспитания правильного языкового вкуса и высокой языковой культуры. Главное же, как считает В. Порциг, состоит в том, что такие обороты всегда семантически "стерты" (abgenutzt), а должное выражение не используется. По ходу своего анализа В. Порциг приводит ряд таких оборотов, которые призваны подтвердить его слова. Так, вместо оборота *enttäuscht (sein)* со значением "разочароваться, расстроиться" употребляется выражение *leise weinend*, а вместо глагола *ärgern* ("злить кого-либо") часто используется фразеологизм *einen auf die Palme bringen*. Эти и многие другие примеры, приводимые В. Порцигом в его книге, призваны, по мнению автора, подтвердить, что здесь мы имеем дело не с нейтральными нормативными языковыми формами, а со словами и высказываниями, характерными определенной социальной среде. Сленгизмы, по убеждению В. Порцига, снимают остроту (entschärft) серьезности объективного мира и становятся публичной (gesellschaftliches) игрой. Обобщая такие суждения автора, следует подчеркнуть, что подобные языковые формы не являются обычной составной частью повседневного обиходного языка. С другой стороны, эти образования играют, по мнению В. Порцига, совершенно иную "социальную роль", чем специальные языки (Sondersprachen), что делает вполне правомерным выделение сленга в немецком языке в качестве отдельного социолекта [Porzig 1971: 253–254], хотя и сегодня это название все еще не стало общепринятым в немецкой лексикологии и лексикографии. Судя по всему, многие немецкие лингвисты склонны традиционно считать, что подобные выражения и обороты речи не составляют отдельной группы и являются частью обиходно-разговорного языка. Так, авторы нового немецкого фразеологического словаря (серия "Дуден", том 11, 1992 г.) приведенный в работе Порцига сленгизм *einen auf die Palme bringen* снабдили в своем словаре пометой "ugs." (разговорный), а помета "сленг" здесь вообще отсутствует. Между тем, в свое время Г. Баузингер обращал внимание на то, что понятие сленга, возникшее еще в прошлом веке (1844 г.) на английской языковой почве, в XX веке стало применяться и в отношении небрежных (nachlässig) форм немецкой обиходно-разговорной речи [Paul 1992: 805], что вполне оправдывает целесообразность выделения подобных форм речевых высказываний в отдельную группу, как это и предлагали в свое время В. Порциг и Г. Мозер. В связи с этим следует напомнить, что когда автор этих строк, участвуя в разработке энциклопедического труда "Sociolinguistics/Soziolinguistik", опубликованного в 1987 г. в издательстве "Walter de Gruyter" (Berlin – New York), выделил сленг в отдельный социолект [Domaschnev 1987: 308–315], то это не вызвало не полемики, ни возражений, в том числе и со стороны Н. Дитмара, лишь отметившего, что другие авторы (Karl Sornig) называют сленгом то, что у Домашнева отнесено к жаргону [Dittmar 1997: 219]. Безусловно, приходится признавать, что установленные критерии определения явлений сленга не всегда учитываются, так сказать, в тонких деталях, а потому шкала оценок остается весьма широкой: одни исследователи относят такие высказывания к раскованным небрежным формам (saloppe Sprechweise) обиходно-разговорного языка (Umgangssprache), а иные видят в таких речевых формах явления жаргонов, различных специальных языков (Sondersprachen). В заключение еще раз подчеркнем, что сленг не следует рассматривать в качестве формы просторечия, в равной мере – и как явление "контра-языка" (Kontrasprachen). Ближе всего он находится к группам так называемых молодежных языков (Jugendsprachen) [Dittmar 1997: 13], которые обычно определяются в качестве вариантов молодежной речи, складывающихся, как правило, в крупных городах (jugendspezifische Ausprägungen der Stadtsprache) [Beneke 1989: 4] и относятся, таким образом, к разновидностям социолектов, известным под собирательным названием "специальные языки" (Sondersprachen). Кстати заметим, что сам Н. Дитмар, открыто не выступая против выделения сленга в самостоятельный тип социолектов, в цитируемой книге включает сленг в группу этих специальных языков [Dittmar 1997: 218], поместив его в одну подгруппу вместе с различными формами аргот – Argot(olekt), ссылаясь при этом на взгляды Э. Радтке [Radtke 1984].

Итак, мы могли видеть, что сленговые образования одни исследователи относят к

явлениям обиходно-разговорной речи, для которой также характерна парадоксальная образность, шутливо-юмористическое сравнение, эмоциональное преувеличение и др., тогда как другие пытаются сблизить или отнести такие разновидности речи к жаргонам или аргю, в зависимости от того, что они сами под этими терминами понимают. В связи с этим уместно напомнить, что четкие линии разграничения бывает провести весьма трудно, тем более, что языковой материал нередко указывает на факты перехода слов и выражений с течением времени из одной группы в другую. Подобные переходы можно нередко наблюдать и в английском сленге, на что указывали в своих работах известные стилисты английского языка в нашей стране М.Д. Кузнец и Ю.М. Скребнев, которые в своем учебнике стилистики английского языка (1960 г.), изданном в 1966 г. в Лейпциге на немецком языке, писали, что со временем некоторые "остроумные" слова и обороты теряют свою оригинальность и становятся заурядными, банальными выражениями. Одни из них становятся элементами "фамильярных" форм обиходной речи, другие же приобретают оттенок стилистической нейтральности, ср. англ.: *sky-scraper* (небоскреб), *movies* (кино), *moh* (чернь, хамье) и др. [Kuznes, Skrebnev 1966: 61].

Разновидностью социолектов являются также профессиональные языки (*Berufssprachen*), которые определяются, в частности, по мнению В. Кёнига, прежде всего не как языки общественно-социальных групп, а как языковые формы, связанные с "разделением труда в современном обществе". Они оказываются, таким образом, разновидностью "социально обусловленных" (*sozialgebunden*) специальных языков (*Sondersprachen*), в отличие от различных "предметно обусловленных" (*sachgebunden*) специальных языков, известных под названием "языки специальности" (*Fachsprachen*), которые, судя по всей логике такого противопоставления, подобной социальной маркированности не имеют [Dittmar 1997: 218]. Несмотря на такое различие, обе эти разновидности чаще всего рассматриваются в рамках одной группы – *Fach-und Berufssprachen*, поскольку понятно, что в целом речь здесь идет о формировании в профессиональной среде специфических для данной области знаний и занятий языковых форм, в которых в определенной степени заметно влияние соответствующей предметно-терминологической лексики [König 1994: 133]. Профессиональные языки (*Berufssprachen*) были определены в свое время Г. Хиртом (Hertmann Hirt, 1865–1936) в его этимологическом словаре (1909 г.) в качестве языков отдельных профессий в отличие от сословных, возрастных языков (*Standessprachen*, *Sprachen der Altersklassen*) и других подобных языковых образований [Paul 1992: 114], тогда как *Fachsprache* рассматривается как одна из специфических "форм существования общего языка" (*Existenzform der Gesamtsprache*), служащая для "познания и понятийного определения" специфических предметов и явлений данной области, а также языкового общения по поводу этой предметной сферы [Paul 1992: 255]. Обращая внимание на определенные различия между "*Berufssprache*" и "*Fachsprache*", В. Порциг отмечал, что имеется много различных предметно-специальных языков (*Fachsprachen*), одним или несколькими из которых, наряду с "общим языком" (*Gemeinsprache*), многие люди, в зависимости от своей специальности, обычно владеют. Отличие этих языков от других специальных языков состоит, по мнению Порцига, в том, что характер первых определяется самим предметом (*von der Sache her*), а не кругом лиц, входящих в ту или иную группу, их взаимоотношениями и интересами [Porzig 1971: 219].

Говоря о профессиональных и предметно-специальных языках, включая и всю группу специальных языков (*Sondersprachen*), авторы энциклопедического справочника немецкого языка [Agricola, Fleischer, Protze 1969: 567] справедливо подчеркивали, что термин "язык" применительно к рассматриваемым образованиям используется лишь условно и не должен давать повода для ошибочных толкований, так как речь идет не о каких-либо особых языках со своей структурой и общей системой, а о наборе специальных средств лексического и словообразовательного характера (*Fach-und Berufswortschatz*), принадлежащих в своей основе к различным областям терминологии и специализированной лексики (*Sonderwortschatz*). Несмотря на то, что современная

социолингвистика данные разновидности считает отдельными типами немецких социолектов, в других общих классификациях они традиционно, еще со времен О. Беагеля (1854–1936), отнесены к обобщенной группе специальных языков, среди которых упоминаются языки солдат, студентов, спортсменов, а также – рыболовов, пчеловодов, охотников, ботаников, лесничих и др. Далее здесь приводятся другие разновидности специальных языков: канцелярский, рыцарский, коммерческий, включая язык цыган, язык ученых, язык науки, язык детей и т.д. [Behagel 1954]. В новейшем типе словарей немецкого языка перечень предметно-профессиональных и иных специальных языков состоит из 182 наименований, среди которых обобщающие названия (Fach-und Berufssprachen; Sondersprachen) отдельно не упоминаются [DUW 1989: 10].

Особую группу социолектов составляют различные жаргоны и аргы. Речь идет о специфических языковых разновидностях, по отношению к которым, как нам представляется, и следует применять характеризующие определения: "контр-язык" применительно к жаргонам и, соответственно, тайный язык (Geheimsprache) для аргы. Однако первоначально необходимо рассмотреть некоторые вопросы, связанные с определением этих двух понятий. Жаргон (франц. jargon) представляет собой некую разновидность речи, используемую преимущественно в устном общении отдельной достаточно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку профессии, положения в обществе, интересов или возраста. Таким образом, речь идет о различных языковых образованиях, складывающихся в сообществах людей, которых объединяют производственно-профессиональные или иные общие интересы (геологи, шахтеры, компьютерные программисты, сообщества филателистов, нумизматов и др.), названные в одной из работ Г. Вайнриха эзотерическими жаргонами [Weinrich 1988: 40], а также принадлежность к определенному социальному кругу (жаргон русского дворянства в XIX в.) или к общей возрастной группе (молодежный жаргон) и т.д. В результате постоянного общения в таких сообществах обычно возникают различные слова и обороты, которыми в такой среде нередко заменяются привычные названия предметов и явлений. Для многих из них характерна устойчивая эмоционально-экспрессивная окраска или оценка: ироничность, презрительность, шутливость, одобрительность, негативизм и др. Такие жаргонизмы нередко используются в качестве своеобразных синонимов в профессиональной лексике и в обиходно-разговорной речи. Наряду с этим в самих жаргонах развиваются синонимические отношения и варианты, замещающие различные устаревшие слова и обороты. Чаще всего жаргонные слова являются своего рода вторичными названиями существующих предметов и явлений: если студент чаще всего говорит *Uni* (Universität), школьник называет школу *Penne* (Schule), учителя – *Pauker* (вместо: *Lehrer*), ученика первого класса, "первоклашку" шутливо называют *Griffelfresser*, а в солдатской среде раньше полупрезрительно говорили о военном враче (*Militärarzt*) – *Aspirinhengst*, или солдатского повара вместо *Koch* называют *Küchenbullen*, то такими словами говорящие выражали свое отношение к данным явлениям, используя их в привычной среде. Г. Друбе приводит в книге, посвященной процессам развития лексики в послевоенной Германии, различные факты образования жаргонизмов в профессиональной среде под влиянием англо-американизмов. Так, после перехода военно-воздушных сил ФРГ на стандарты стран НАТО в среде летчиков сложилась новая группа слов, с помощью которой проводился инструктаж пилотов по управлению полетами. Далее мы приводим этот текст: "*Ich fliege leader. Wir machen den climb-out in parade formation. Wenn wir airborne sind und das landing gear hoch is, gibt jeder leader ein thumbs-up for close panels. Wir machen two-interval breaks and final landing. Ich nehme down-wind side. Any questions?*" Безусловно, замечает Г. Друбе, эта "абракадабра" (Kauderwelsch), понятная летчикам, прошедшим подготовку по американской системе, нуждается в переводе на немецкий язык: "*Ich fliege das Führungsflugzeug. Wir machen unmittelbar nach dem Start einen Steilflug im Paraderverband. Sobald wir Bodenberührung verloren haben und das Fahrgestell eingezogen ist, gibt mir jeder ein Zeichen, daß die Instrumente ordnungsgemäß arbeiten. Im Abstand von zwei*

Sekunden verringern wir durch Kurven unsere Geschwindigkeit und landen dann. Ich nehme die vom Wind abgewandte Seite. Fragen?" [Drube 1968: 128–129]. В этом случае мы имеем дело с использованием людьми заимствованной терминологической лексики, различных специальных слов и оборотов речи в своей служебно-профессиональной среде.

Характерной чертой такой лексики является ее подвижность, относительно быстрая сменяемость актуальных вариантов, исчезновение тех или иных жаргонизмов, что чаще всего можно наблюдать в различных подростковых и молодежных лексиконах как в немецком, так и в любом другом языке. Наряду со сменой языковой "моды", причиной таких явлений следует считать социальные процессы в самом обществе. Так, вместе с затуханием в среде молодежи движения хиппи исчезает и их лексика, а новые вкусовые ориентиры в среде подростков сменяют словечки типа устарелого "железно" и более позднего слова "клёво" с иным значением на "модное" в молодежной среде и семантически всеядное словечко "прикольный". Ср. также постепенное затухание интереса к использованию таких русифицированных англицизмов как "шузы" в отношении модной ("западной", импортной) обуви. Использование подобных слов подчеркивает намерение говорящих быть похожими на других в своем кругу, а также, возможно, призвано солидарно дистанцироваться от тех, кто не принадлежит к такому сообществу, но во всем этом нет стремления к тому, чтобы таким образом отгородить свой круг от остального общества (*Abschließung nach außen*), что характерно, как уже подчеркивалось, для формаций *argo* (*Argot*, *Rotwelsch*). По этой причине жаргоны не следует считать формой "контр-языка", поскольку они попадают в одну общую группу, как утверждает В. Кёниг [König 1994: 133], с лексикой люмпенов и бездельников (*Gammler*), а также с жаргонами арестантов (*Strafgefangene*). Правда, необходимо привести высказывания В. Порцига, считавшего, что все виды жаргонов, в которых мы наблюдаем "завуалированный" характер высказываний (солдатские жаргонизмы и др.), в этом смысле имеют много общего с *argo* ("*Rotwelsch*"), в котором эта степень "закрытости" доведена до уровня тайного языка ("*die Verhüllung bis zur regelrechten Geheimsprache*") [Porzig 1971: 249]. Однако подобная "схожесть" не дает веских оснований для такого обобщения. При этом необходимо признать, что определенные формы жаргонов не обходятся без того, чтобы не включать в свой состав отдельные арготизмы, а другие жаргонные слова и словечки имеют весьма размытую семантику, хотя делается это, скорее всего, в поисках непривычных сравнений, альтернативных номинаций, чем из-за стремления "закрыться" от окружающих с помощью "кодированных" слов и выражений – "тайного языка". Так, еще в 70-е годы в среде немецкой молодежи были популярны такие выражения, как *steiler Zahn*, дословно – "крутой зуб" со значением: "attraktives Mädchen", "симпатичная девушка", ныне почти забытые. Ср. также: *Bonzenheber* – *Fahrstuhl* «лифт, который предназначен для удобств "начальников", "бонз"». Конечно, в таких группах слов можно наблюдать определенные сферы сближения жаргонов с арготизмами, что, возможно, дает некоторым исследователям повод объединять формации специальных языков (*Sondersprachen*) в общую группу, которая у Н. Дитмара [Dittmar 1997: 218–221] получила название "арголект" – *Argot(olekt)*. Что касается жаргонов, то эти формации В. Дитмар склонен рассматривать в одной группе с *argo*, поскольку, как он полагает, их практически невозможно отделить друг от друга. Правда, он признает, что эти термины были разделены во французской социолингвистике, в результате чего обе группы упомянутых образований там все же изучаются отдельно. Несмотря на это признание, при рассмотрении жаргонов и *argo* в немецком языке Н. Дитмар, как было отмечено ранее, не находит достаточных аргументов для отдельного их представления в перечне социолектов [Dittmar 1997: 219]. Поскольку и сленг автор относит также к специальным языкам, то оказывается, что общее название *Sondersprachen* для всех рассмотренных в этом разделе образований охватывает всего две укрупненные группы – арголекты и сленг: *Sondersprachen* [*Argot(olekt)*/*Slang*]. В связи с этим напомним, что такой подход к классификации немецких социолектов не следует рассматривать в качестве единственной позиции исследователей, о чем свидетельствуют труды таких признанных герма-

нистов как В. Флайшер и др. [Agricola, Fleischer, Protze 1969: 567–579], писавших об этом еще ранее, но и позднее не изменивших своих оценок.

Словом а р г о (Argot или нем. Rotwelsch, франц. argot, англ. cant) в языкознании принято называть особые тайные языки (жаргоны) социально периферийных групп и ограниченных профессиональных сообществ, состоящие "из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков" [Шахнарович 1990: 43]. Такие языки употребляются, как правило, с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления такой группы от остальной части общества. Термин "арго" чаще употребляется в узком смысле, обозначая способ общения различных асоциальных, деклассированных элементов, распространенный в среде преступного мира (воровское арго и др.). Наряду с этим известны, в особенности в прошлые времена старой России, различные узко профессиональные арго, с помощью которых ремесленники, торговцы и др. пытались сохранять корпоративные тайны своей профессии, ремесла и промысла. Такие разновидности арго называют иногда профессиональными говорами или корпоративными жаргонами, подчеркивая при этом их потаенный, "закрытый" характер, либо нередко причисляют к группе условных языков. Известный исследователь русских условных языков В.Д. Бондалетов в своих многочисленных публикациях о процессах и источниках сложения языков общения в своем кругу ремесленников и торговцев показал, что основой для этого обычно служат различные диалекты, местная обиходная лексика и преднамеренная деформация слов общего языка. Так, "жномо" возникло путем перестановки слогов из слова "можно", а "лекода" означает "далеко" и т.д. В вариантах арго встречаются такие слова, как "зех" – "язык", "кокурник" – "две копейки", "крем" – "мясо", "рыжик" – "золотая монета", "скосать" – "украсть; купить", "жгон" – "катальщик валенок", "упаки" – "валенки", "сары" – "деньги", "шлénка" – "иголка", "целыш" – "рубль" [Бондалетов 1980; 1999].

В немецком языке, наряду с термином "арго", наиболее употребительным названием для данных образований остается Rotwelsch, известное еще в XIII в. в отношении языка жуликов и попрошайек (Gauner – und Bettlersprache). Уже в те времена члены различных асоциальных сообществ общались между собой с помощью своеобразных тайных языков, в составе которых были видоизмененные слова из др.-еврейского (Hebräisch) и цыганского языков, смысл которых был непонятен для непосвященных. Со временем некоторые из таких слов проникли в речь отдельных слоев городского населения и стали использоваться в обиходно-разговорном языке: Ganove (идиш *gannav*) – Gauner, "жулик", презрительно о преступнике, мошеннике (*Verbrecher, Betrüger*). Кстати, этот синоним используется также в названии данной разновидности арго – Ganovensprache в качестве варианта к Gaunersprache.

Исследователи отмечают, что для названий предметов и явлений в арго, как и в других системах языка, имеются целые группы синонимических вариантов, с помощью которых можно всегда дополнительно затруднить для посторонних проникновение в смысл высказывания. Со временем определенная часть арготической лексики через различные жаргоны попадает в обиходную речь и становится общепонятной. Деньги и полиция всегда находятся в поле особого интереса и внимания членов подобных сообществ, поэтому не приходится удивляться большому числу синонимов и вариантов слов, связанных с этой сферой. Так, для слова *Geld*, "деньги" употреблялись такие слова: *Blech, Linsen, Pulver, Zimt, Schotter, Lappen* (Banknoten), часть из которых через различные (молодежные) жаргоны стали известны и в обиходной речи (Alltagssprache), например: *Blech, Pulver*. Некоторые слова этой тематической группы пришли в модифицированном виде в немецкое арго из еврейского языка: *Torf, Kies, Moos, Zaster*. Для названия полиции (Polizei) имелось много "потаенных" слов, которые использовались в различных преступных и асоциальных сообществах: *Polipee, Poloppe, Polypen, Polente*, а также названия, связанные с действиями полицейских: *Greifer, Fänger, Spanner*, либо с внешними признаками полицейских: *Blauer, Geheimer*. Для названия

тюрьмы также имеется несколько вариантов: *Kitte, Kütte, Kittchen, Knast*, а также ставшее распространенным и в обиходном языке: *die schwedischen Gardinen*, в котором содержится намек на тюремные решетки, перекрывающие оконное и другие пространства внутри помещений [Agricola, Fleischer, Protze 1969: 577]. П. Браун приводит в своей работе также ряд слов из немецкого воровского арготизма: *Äffchen* (Neuling in der Gaunerwelt, "новичок в воровском мире"), *Achtgroschenjunge* (Zuträger der Polizei, Spitzel, "доносчик полиции"), *Belfer* (Aufpasser beim Diebstahl, "стоящий на страже"), *Bihengst* (Wäschdieb "вор, крадущий сохнувшее во дворе белье"). Имеются также "студенты-криминалисты" *Kriminalstudenten*, задачей которых является присутствие на судебных заседаниях, чтобы изучать технику ведения слушания дела в суде [Braun 1997: 52].

Обобщая сказанное о лексике арготизма, следует, очевидно, не согласиться с мнением В. Порцига, который, как отмечалось ранее, не видел принципиальной разницы между солдатскими жаргонизмами и арготизмами криминальных и асоциальных сообществ, поскольку и тем и другим свойственна "закрытость" от посторонних, смысловая "завуалированность" высказывания, хотя одновременно признавал, что степень этой "завуалированности" (Verhüllung) арготизма превращала его фактически в "тайный язык" (Geheimsprache). Простое наблюдение показывает, что ироничная жаргонная кличка *Aspirinhengst* ("жеребец с аспирином") в отношении военного врача (Militärarzt) в грубой солдатской речи резко отличается от арготизмов, приведенных выше: *Äffchen, Belfer, Schotter*. А главное, что так точно подметил Н. Дитмар, арготизм и жаргоны различаются тем, что в случае с арготизмом открыто подчеркивается (manifest intendiert) стремление не допускать в свой круг посторонних (Nicht-Gruppenmitglieder auszuschließen), что позволяет поддерживать и укреплять "внутригрупповую идентичность" [Dittmar 1997: 219], тогда как жаргоны формируются, как мы могли видеть, с совершенно иной целью.

"Тайные языки" преступных групп не являются безобидными списками слов для различных лингво-этнографических штудий, но представляют собой нередко известную опасность для общества. Поэтому они тщательно изучаются и фиксируются в полицейских органах, при этом посильную помощь они получают и от лингвистов, исследующих социальные аспекты словарного состава языка. Так, Ф. Клуге в 1901 году опубликовал книгу *"Rotwelsch. Quellen und Wortschatz der Gaunersprache und der verwandten Geheimsprachen"*, а С.А. Вольф издал в 1956 г. в Мангейме словарь *"Wörterbuch des Rotwelschen"*, в котором представил лексику языка арготизма.

Обобщая сказанное о проблемах идентификации и терминологического описания столь разнородных и разнокачественных групп и слоев так называемой сниженной лексики в немецком языке, следует подчеркнуть, что аналогичные сложности можно наблюдать в практике лексикографической интерпретации схожего материала других языков. Так, несмотря на значительный опыт и новые теоретические разработки в русской лексикологии и лексикографии, среди специалистов продолжают споры о границах понятия "жаргон", в особенности, когда этим названием охватывают всю сферу субстандарта, включая сленг и арготизм. Признавая наличие "ожесточенных" споров среди исследователей живой русской речи, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина – авторы недавно опубликованного сводного словаря русских жаргонных слов и выражений "Большой словарь русского жаргона", не претендуя, как они сами заявляют во введении, "на решение этих терминологически нерешимых проблем" и, будучи последователями взглядов Б.А. Ларина, который считал жаргоны и арготизм синонимами, включили в состав своего словаря жаргонизмов все слои сниженной лексики, добавив, в развитие идеи Б.А. Ларина о синонимии между жаргоном и арготизмом, в этот ряд и сленг [Мокиенко, Никитина 2000: 7]. Сформулировав в "Предисловии" свои основные "оправдательные" доводы: терминологическая "нерешаемость" (?) данных проблем и сохранение верности идеям научного предшественника, авторы "Словаря" собрали воедино 25 000 слов и 7000 устойчивых сочетаний, назвав все это русским жаргоном. Так, часто фигурирующее в речи наркоманов словечко *абстыга* со значением "абстинентный синдром"

соседствует с шутливо-ироничным сленгизмом *автограф*, означающим "синяк, ушиб, шишка, ссадина; след от поцелуя", а также с "закрытой" или тайной старой лексикой бродячих торговцев-офеней, блатной "феней" арестантов, воров, уголовников: *бусать* "пить спиртное"; *бугать* "подбрасывать кому-либо бумажник при совершении кражи"; *костер* "город"; *ловак* "лошадь" и др.

Признавая, что представленное "словесное многоцветье" является разнородным, авторы пошли на беспрецедентно расширительное толкование понятия "жаргон", о чем можно только сожалеть, так как подлинная задача состояла не в отказе от уже существующих классификаций всех таких лексических пластов языка, а в поиске отдельного обобщающего названия, под "крышей" которого могли бы найти место и собственно жаргоны, и сленг, и арг. Так, М.М. Маковский называет эти образования социальными диалектами [Маковский 1982], тогда как в германистике ныне приняты термины "социолекты" или "диастратические образования", которые используются и в данной работе. Безусловно, среди немецких лексикографов существуют различные мнения по поводу терминологической интерпретации тех или иных образований, но это представляет собой совершенно иную проблему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондалетов В.Д. 1980 – Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. Рязань, 1980.
- Бондалетов В.Д. 1999 – Новые материалы по лексике жгонского аргю // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов. Вып. 10. М. [ИЯ РАН], 1999.
- Гухман М.М. 1981 – Введение // Типы наддиалектных форм языка. М., 1981.
- Маковский М.М. 1982 – Английские социальные диалекты. М., 1982.
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. 2000 – Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Шахнарович А.М. 1990 – Аргю // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Agricola E., Fleischer W., Protze H. 1969 – Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie in zwei Bänden. Bd. I. Leipzig, 1969.
- Bach A. 1950 – Deutsche Mundartforschung. Ihre Wege, Ergebnisse und Aufgaben. Eine Einführung. 2. Aufl., Heidelberg, 1950.
- Bach A. 1961 – Geschichte der deutschen Sprache. 7., erw. Aufl., Heidelberg, 1961.
- Behaghel O. 1954 – Die deutsche Sprache. 11. Aufl., Halle (Saale), 1954.
- Beneke Ju. 1989 – Die Stadtsprache Berlins im Denken und Handeln Jugendlicher. Berlin, 1989.
- Bichel U. 1973 – Problem und Begriff der Umgangssprache in der germanistischen Forschung. Tübingen, 1973.
- Braun P. 1997 – Personenbezeichnungen. Der Mensch in der deutschen Sprache. Tübingen, 1997.
- Brinkmann H. 1962 – Hochsprache und Mundart // Wirkendes Wort. Sammelband 1. Sprachwissenschaft. Düsseldorf, 1962.
- Dittmar N. 1997 – Grundlagen der Soziolinguistik – Ein Arbeitsbuch mit Aufgaben. Tübingen, 1997.
- Domaschnev A. 1981 – Begriff der sozial-funktionalen Sprachstruktur in der sowjetischen Germanistik // Akten des VI. Internationalen Germanisten-Kongresses Basel 1980. Bern; Frankfurt; Las Vegas, 1981.
- Domaschnev A. 1987 – Umgangssprache/Slang/Jargon // Sociolinguistics. Soziolinguistik. Ulrich Ammon / Norbert Dittmar / Hrsg. von K.J. Mattheier, Erster Halbband. Berlin, New York, 1987.
- Drube H. 1968 – Zum deutschen Wortschatz. Historische und kritische Betrachtungen. München, 1968.
- DUW 1989 – Duden Deutsches Universalwörterbuch A – Z. 2., völlig neu bearb. Aufl. Günther Drosdowski(Hrsg.). Mannheim; Wien; Zürich, 1989.
- Henzen W. 1954 – Schriftsprache und Mundarten. Ein Überblick über ihr Verhältnis und ihre Zwischenstufen im Deutschen. 2. Aufl., Bern, 1954.
- König W. 1994 – dtv-Atlas zur deutschen Sprache. Tafeln und Texte. München, 1994.
- Kretschmer P. 1969 – Wortgeographie der hochdeutschen Umgangssprache. 2., durchges. und ergänzte Aufl. Göttingen, 1969.
- Kuznec M., Skrebnev Ju. 1966 – Stilistik der englischen Sprache. Leipzig, 1966.
- Moser H. 1960 – "Umgangssprache". Überlegungen zu ihren Formen und ihrer Stellung im Sprachganzen // Zeitschrift für Mundartforschung. 1960. 27.

- Nabrigs K.* 1981 – Sprachliche Varietäten. Tübingen, 1981.
- Paul H.* 1992 – Deutsches Wörterbuch. 9 / vollst. neu bearb. Aufl. von H. Henne und G. Objartel unter Mitarbeit von H. Kämper-Jansen. Tübingen, 1992.
- Porzig W.* 1971 – Das Wunder der Sprache Probleme, Methoden und Ergebnisse der Sprachwissenschaft. 5., durchgeseh. Aufl., München, 1971.
- Radtke E.* 1984 – Die Übersetzungsproblematik von Sondersprachen – Am Beispiel der portugiesischen, französischen und italienischen Übertragungen von Christiane P., "Wir Kinder vom Bahnhof Zoo" // Umgangssprache in der Iberoromania, Festschrift für Heinz Kröll. Tübingen, 1984.
- Schlieben-Lange D.* 1991 – Soziolinguistik. Eine Einführung. 3. Aufl., Stuttgart; Berlin; Köln, 1991.
- Weinrich H.* 1988 – Wege der Sprachkultur. München, 1988.